

Моск. правда - 1992 - 5 нояб. - с. 7

РЯДОМ СО ЗВЕЗДАМИ

Владимир Пресняков (старший):

«Мы прекрасно понимаем друг друга»

Есть дома, в которые хочется приходить снова и снова. Потому что от их хозяев исходит какая-то неизъяснимая приветливость. В этих домах вас окружают теплотой и вниманием, напоят чаем, и интересный разговор будет неотъемлемой частью быстрого пролетевшего вечера. Таков дом Владимира Петровича Преснякова (Преснякова-старшего, как называют его журналисты, или просто Петровича, как с любовью зовут друзья). Дом, под крышей которого собрались удивительно талантливые люди. Столь не похожие друг на друга и вместе с тем составляющие единое и целое — дружную семью.

— Родился я на Западной Украине, — рассказывает Владимир Петрович. (Мы сидим на кухне, пьем горячий кофе, а за стенкой посапывает только что уснувший Никитка). — В семье офицера. А вот мать была музыкантшей. Как, впрочем, и деды и прадеды. В семейном альбоме сохранилась фотография начала века — мой предок держит на коленях скрипку. А волосы — аж до плеч. Ну прямо как Паганини! Я ее очень люблю и, разглядывая, каждый раз думаю — вот хиппи-то когда существовали!

— А где играл ваш предок?

— Ну, может быть, в царской опере. А может быть, на гуляньях. Мы ведь ленивы и нерасторопны. Плохо знаем свою историю. Сейчас трудно так далеко заглянуть.

— Вы занимались музыкой с детства?

— Когда мы переехали в Свердловск, родители отдали меня в военную школу музыкантских воспитанников, где готовили музыкантов духовых инструментов. Там я научился играть на кларнете. А потом самостоятельно на саксофоне.

Мой старший брат тоже был музыкантом. Баянистом. В то время это был самый модный инструмент. Потому брат считался «первым парнем на деревне». Играл на вечеринках, по нему всегда вздыхали девушки. (Сейчас девушки предпочитают совсем другие инструменты. Баянисты, к сожалению, потеряли свое привилегированное положение. А жаль — в каждом инструменте есть своя прелесть).

У брата были свои суровые методы обучения меня музыке — типа подзатыльников. Правда, уже через два-три года я стал для него авторитетом, так как изучал в школе много специальных музыкальных дисциплин, с которыми он не был знаком. Кроме того, большое внимание наши педагоги уделяли спорту. Те, кто не мог за себя постоять, уважением ребят не пользовались. Мы все время занимались с гантелями, играли в различные игры, в футбол, например...

— По-моему, вы и сейчас с немалым удовольствием играете в эту игру в составе команды «звезд эстрады «Старко»».

— Да, это так. А о ребятах из школы мы до сих пор частенько встречаемся и с великой благодарностью вспоминаем наших учителей.

— Ну, а что было потом?

— Потом было Свердловское музыкальное училище. Но там у меня произошла такая же история, как впоследствии у моего сына: меня выгнали за то, что я рано, по мнению педагогов, стал заниматься концертной деятельностью. Володя словно зеркально отобразил мою судьбу — его тоже выгнали с 4-го курса.

Уже где-то в 17 лет я стал руководителем инструментального ансамбля Свердловской филармонии. И через несколько лет меня взял к себе в коллектив очень известный в то время джазовый музыкант Борис Рычков.

— Вы служили в армии?

— Вначале, как футболист, в спортивной роте. Но зимой мы должны были играть в хоккей с мячом. А я толком освоить эту игру не мог. И оказался совершенно бесполезным в этот период. Меня стали назначать дежурным, и они меня с удовольствием перевели: все оставшееся время руководил музыкальным ансамблем. Играли на танцах. Кто служил почтальоном, танкистом, там или связистом, знают, что такая служба, конечно, — «не бей лежачего».

Было много послаблений. Но форму носили.

— А после армии?

— Концерты, гастролы. Многие нынешние музыканты не знают, что это такое — отсчитывать километры, сидя в автобусе «с носом», жить в гостиницах с одним титаном на весь коридор. Да и сами гостиницы назывались Домами приезжих. Сейчас все это воспринимается как легенда. Играл в тот период во многих ансамблях — в Свердловской филармонии, потом в Таджикской, в Грузинской.

— А чем была вызвана такая непоседливость?

— Это было традицией тех лет. Музыканты были людьми кочевыми, меняли коллективы не из-за того, что что-то там не нравилось. Просто встречаешь на гастролях того или иного музыканта и вдруг понимаешь: вот человек, с которым хочется работать! И не один концерт, а долго. Все это давало практическое образование, мы обогащали друг друга. Я поиграл со многими удивительно талантливыми людьми. Их десятки. Я не называю фамилий, потому что невозможно всех перечислить.

— Ваша жена — певица. Если не секрет, как вы познакомились с Еленой?

— Нам понадобилась в ансамбль солистка. Хотели кого-то брать. Даже, помню, ссора случилась. Дело в том, что все те, кто показывался к нам, были хорошо поставленными оперными голосами. А я понимал, что нам нужно совсем другое. По молодости сказал: «Сейчас выйду на улицу и приведу певицу!». В этом запале пошел на концерт в Политехнический институт. Там увидел Лену. Она тогда была школьницей, пела в самодельности. Я важно надул щеки, подошел к ней и представился как руководитель ансамбля филармонии. Предложил петь у нас. Она мне не поверила. Ответила что-то типа: «Да, пошел ты!». Я, оскорбленный до глубины души, тоже перешел на сленг. На этом языке мы и разговаривались. Короче, я ее убедил. Она пришла, показала несколько модных в то время песен: итальянских, болгарских. Все пришлось в восторг. Тем более, что Елена не стояла на сцене, а двигалась: смеялась, кокетни-

чала. Она осталась в ансамбле. Помню, кто-то из старших однажды сказал: «Быть вам мужем и женой». Мы это восприняли так: что за ерунда! Но предсказание сбылось. Во время гастролей стали тайком бегать в номера друг к другу. И скоро расписались. Потом у нас родился сын. В прошлом году справили 25-летие совместной жизни.

— Но был период, когда вы надолго «застряли» на одном месте...

— Это случилось, когда руководитель «Самоцветов» стал набирать совсем новый ансамбль. И нас с женой пригласили. Мы переехали в Москву. Сначала жили на разных квартирах, потом снимали комнату.

Я работал в качестве саксофониста и аранжировщика. Потом стал сочинять песни. «Самоцветам» было отдано 13 лет жизни. Вообще этот ансамбль стал для многих своеобразной профес-

лет у него началась мутация голоса. Он говорить почти не мог. Зато стал усиленно заниматься брейком. И даже занял второе место в Москве на каком-то конкурсе. Потом Юрий Чернавский написал музыку к фильму «Выше радуги» и обратился ко мне: «Может быть, твой малец споет?». Володя спел «Зурбаган». Режиссер пришел в восторг и попросил Юрия написать еще, уже специально для Володи. Так он спел 5 песен. (Кстати, в этой же картине звучали песни в исполнении Аллы Пугачевой и Михаила Боярского).

— А почему Володю так долго не выпускали на ТВ?

— Ну, его манера петь, согласитесь, была слишком непривычной. Наверное, фальцет был не в моде. Но после того как он исполнил песню на открытии Игр доброй воли, его все-таки показали на экране, потом стали узнавать... Он поработал с Лаймой Вайкуле — эта была очень хорошая практика. Ну, и наконец Алла Пугачева пригласила к себе в театр. Набралось много сольных песен, появились свои музыканты. Стал брать призы (в Монте-Карло, например). Но в наших конкурсах принципиально не участвует. Считает, признание зрителей — самая важная победа.

— Вы часто спорите?

— Очень. У него всегда было что-то свое на уме. Но я считал, что заставлять никогда не следует. Он плохо посещал учебные заведения. Неделями не ходил на занятия, придумывал различные причины. Обычно я реагировал так: «Ну и правильно, ну и не ходи». Тогда он делал какие-то свои выводы и... отправлялся в школу. Он очень независим в своих суждениях о творчестве. Еще в подростковом возрасте я пытался ему советовать что-то относительно аранжировок — он все начисто отвергал. А сейчас стал прислушиваться. После рождения сына как-то вообще возмужал, стал выдержаннее, исчезли детские закидоны.

— А чье мнение, с вашей точки зрения, для него является наиболее авторитетным?

— Мнение Аллы Борисовны. Володя считает, что она ему очень многое дала — у нее учился, как вести себя на сцене, как общаться со зрителями. Она ведь действительно гениальная актриса, и общение с ней для любого артиста дорогого стоит.

— Один автор в газете «Московский комсомолец» достаточно зло отзывался о Володе и назвал его «блаженным».

— Вова действительно может показаться «блаженным». Если иметь в виду то, что в то время, когда практически все на эстраде используют фонограммы, он (даже на огромных стадионах) работает «вживую». Не позволяя себе из профессионального певца и музыканта превратиться в танцора.

— Ну, а как появилась Кристина в вашей семье?

— Они с Володей дружили, когда она была еще школьницей. Вместе ходили на музыкальные тусовки. Кристина — человек исключительной скромности. Она о себе гораздо более невысокого мнения, чем все окружающие. А ведь это очень одаренный человек. Пошла заниматься балетом — стала прекрасной танцовщицей. Очень прилично поет. В 12 лет замечательно сыграла в фильме Ролана Быкова «Чучело».

— Последняя ее работа не менее удачна. Я имею в виду роль Екатерины II в картине Светланы Дружининой «Виват, гардемарин!».

— Да. Но всего этого она почему-то стесняется. Считает, что это ничего не стоит. Если сейчас и бывают скромные люди — она одна из них.

— В вашей семье есть еще один человек?

— Да, Никита Владимирович. Я бы вас познакомил, но он еще не проснулся.

Е. КУРБАНОВА